

Глава 1

Адамберг, сидя на скале у причала, смотрел, как рыбаки возвращаются после ежедневного лова, швартуются, вытаскивают из воды сети. На маленьком исландском острове Гримсей все звали его Берг. Океанский ветер, одиннадцать градусов тепла, солнце в дымке, зловоние тухлой рыбы. Он забыл, что еще недавно был комиссаром полиции, руководил двадцатью семью сотрудниками бригады уголовного розыска в Париже, в 13-м округе. Он выронил мобильник, и тот угодил в овечью лепешку, к тому же лохматая скотина наступила прямо на него копытом, впрочем, без всякого злого умысла. Никто еще, наверное, не терял телефон столь оригинальным способом, с долей гордости подумал Адамберг.

Гуннлаугур, хозяин небольшой гостиницы, тоже пришел в порт, собираясь купить лучшую рыбу и приготовить ее на ужин. Адамберг улыбнулся и махнул ему рукой. Но выражение лица у Гуннлаугура было не такое спокойное, как в обычные дни. Не обращая внимания на то, что торги уже начались, он направился напрямик к Адамбергу, сдвинув белесые брови, ткнул в него пальцем, протянул послание и произнес:

— *Fyrir þig*. [Это тебе.]

— *Ég?* [Мне?]

Адамберг, неспособный запомнить простейшие, доступные даже ребенку иностранные слова, здесь непонятным образом за каких-то семнадцать дней усвоил около семидесяти слов. С ним старались объясняться как можно проще, преимущественно используя жесты.

Пишут из Парижа, наверняка из Парижа. Хотят, чтобы он вернулся. Он приуныл, потом рассердился, замотал головой — нет, ни за что! — повернулся лицом к морю. Гуннлаугур не отставал: он развернул листок и вложил его в руку Адамберга.

Женщину сбила машина. Муж и любовник. Все не просто. Ваше присутствие крайне желательно. Материалы будут переданы позже.

Адамберг опустил голову, ладонь его раскрылась, и ветер унес листок. В Париж? Почему вдруг в Париж? Где это?

— *Daðdur maður?* — спросил Гуннлаугур. [Труп?]

— *Já*. [Да.]

— *Ertu að fara, Berg? Ertu að fara?* [Ты уезжаешь, Берг? Ты уезжаешь?]

Адамберг тяжело поднялся, поднял глаза на белесое солнце.

— *Nei*. [Нет.]

— *Jú*, — вздохнул Гуннлаугур. [Да.]

— *Já*. [Да.]

— *Drekka, borða*, — предложил он. [Есть, пить.]

— *Já*. [Да.]

Колеса ударились о покрытие взлетной полосы Руаси — Шарль-де-Голль, и от этого толчка его внезапно накрыла такая мигрень, какой не бывало уже много лет, и одновременно появилось ощущение, будто его крепко побили. Он вернулся, и Париж, большой каменный город, накинута на него. Хотя, может, все дело в том, что накануне в таверне у Гуннлаугура они хорошо отметили его отъезд, изрядно выпив. Стопки были совсем маленькие. Зато их было много. И это был последний вечер. И бреннивин¹.

Беглый взгляд в иллюминатор. Не выходить, чтобы не оказаться там.

Но он уже был там. “Ваше присутствие крайне желательно”.

1 *Бреннивин* — исландский спиртной напиток крепостью 37,5° на основе картофеля и тмина. (Здесь и далее — прим. перев.)

Глава 2

Во вторник 31 марта шестнадцать сотрудников комиссариата в полной боевой готовности, с ноутбуками, папками и стаканами кофе, собрались к девяти часам в зале капитула, чтобы доложить комиссару о том, как они вели дела в его отсутствие под началом майора Мордана и майора Данглара. Члены команды были расслаблены и неожиданно разговорчивы, и это означало, что они рады его возвращению, им приятно его видеть и они не задаются вопросом, не изменилось ли в нем что-нибудь, пока он жил на севере Исландии, на маленьком острове, где его окружали только туманы да неугомонные волны. А даже если изменилось, какая разница, подумал лейтенант Вейренк, который, как и комиссар, вырос на каменистых склонах Пиренеев и понимал его, как никто. Он знал, что их команда под началом комиссара скорее напоминает большое парусное судно, меняющее курс из-за встречного ветра или замирающее, спустив паруса, во время штиля, чем мощный моторный катер, от которого много шума и пены.

Майор Данглар, наоборот, чего-то постоянно опасался. Он всматривался в горизонт, ожидая приближения неведомой опасности: его вечно доносили страхи, царапая острыми шипами и мешая жить. Отъезд Адамберга в Исландию после изнурительного расследования вызвал у него дурные предчувствия. Когда мозг устает у обычного человека и он выбирает туманную страну, чтобы снять напряжение, — это правильно. Более целесообразно, чем ехать на юг, к солнцу, где безжалостный свет подчеркивает любую неровность, малейший выступ на камешке и еще больше утомляет. Но когда туманный разум удаляется в туманную страну, это опасно и чревато тяжкими последствиями, полагал Данглар. Он боялся, что упадок духа у комиссара может стать необратимым. Он всерьез тревожился, как бы в результате химической реакции между туманом в человеке и туманом в природе Адамберг не растворился в Исландии и не остался там навсегда. Известие о возвращении начальника его немного успокоило. Но когда Адамберг вошел в комнату своей слегка развинченной походкой, улыбаясь каждому и пожимая руки, тревога Данглара вернулась. Более легкомысленный и переменчивый, чем когда-либо, с блуждающим взглядом и неуловимой улыбкой, комиссар как будто двигался наугад, не замечая разметки, пропуская редкие указатели, позволяющие не сбиться с пути. Текучий, вялый — вынес вердикт Данглар. Станный, пропитанный морем — подумал лейтенант Вейренк.

Молодой бригадир Эсталер, специалист по кофейной церемонии, которую освоил в совершенстве — по мнению коллег, только в этом он и пре-

успел, — мигом поднес чашку комиссару, положив ровно столько сахара, сколько нужно.

— Ну, рассказывайте, — произнес Адамберг мягким отстраненным голосом, слишком спокойным для человека, которому предстоит расследовать смерть женщины тридцати семи лет, которую дважды переехал внедорожник, переломав ей шею и ноги.

Случилось это три дня назад, в минувшую субботу вечером, на улице Шато-де-Рантье. “Что за шато? Какие рантье?” — подумал Данглар. Ни про замок, ни про рантье никто уже не помнил, и сегодня это название в южном секторе 13-го округа звучало забавно. Он пообещал себе узнать происхождение названия: энциклопедический ум майора впитывал любые знания, ведь все они, в конце концов, могли пригодиться.

— Вы читали материалы, присланные вам в Рейкьявик, где вы делали пересадку? — спросил майор Мордан.

— Конечно, — ответил Адамберг и пожал плечами.

Разумеется, он читал их, пока летел из Рейкьявика в Париж. Но на самом деле сосредоточиться на них не смог. Он понял, что женщина, Лора Карвен, — красивая, ничего не скажешь, отметил он, — погибла под колесами внедорожника между 22:10 и 22:15. Время убийства указано так точно, потому что жертва придерживалась очень четкого расписания. С 14:00 до 19:30 она продавала одежду для детей в люксовом магазине в 15-м округе. Потом занималась бухгалтерией, а в 21:40 закрывала жалюзи. Она каждый день переходила улицу Шато-де-Рантье в одно и то же время, на один и тот же сигнал светофора рядом с домом. Она была замужем за богатым мужчиной, который “преуспел”, как прочел в докумен-

тах Адамберг, хотя не запомнил ни его профессию, ни сумму на банковском счете. Внедорожник принадлежал мужу — как его звали? — погибшей женщины, в этом не было сомнений. В углублениях протекторов и на крыльях остались следы крови. В тот же вечер Мордан и Жюстен установили путь машины с помощью розыскной собаки. Она привела их прямехонько к стоянке у салона видеоигр, в трехстах метрах от места преступления. Собака оказалась довольно нервная и потребовала, чтобы ее долго и усердно гладили в благодарность за работу.

Хозяин салона хорошо знал владельца машины: тот приходил к ним в зал каждый субботний вечер и играл с девяти до двенадцати. Если не везло, мог засидеться за игрой до самого закрытия — до двух часов ночи. Он показал им мужчину в костюме и распушенном галстуке, очень заметного среди парней в капюшонах, с пивом. Тот яростно бился с экраном, где на него набрасывались огромные ходячие мертвецы, а ему нужно было изничтожить их, расстреляв из автомата, и проложить себе дорогу к горе Черного короля. Когда полицейские его прервали, положив руку на плечо, он неистово затряс головой, не выпуская пульта из рук, и закричал, что ни в коем случае, ни за что не остановится, набрав сорок семь тысяч шестьсот пятьдесят два очка и находясь в двух шагах от уровня Бронзовой дороги. Майор Мордан наконец сумел перекрыть треск устройств и вопли игроков и сообщил ему, что жена его погибла, попав под машину в трехстах метрах отсюда. Мужчина обмяк и навалился на пульт, испортив игру. Прозвучал музыкальный сигнал, и на экране загорелась надпись: «Прощай, ты проиграл!»

— Итак, муж утверждает, что все время находился в игровом салоне? — уточнил Адамберг.

— В отчете было сказано... — начал было Мордан.

— Предпочитаю сам услышать, — отрезал Адамберг.

— Да, так и есть. Говорит, что не отлучался из зала.

— А как он объяснил, почему его собственная машина вся в крови?

— Объяснил наличием любовника. Любовника, который знал ее привычки, мог взять машину, раздавить любовницу, вернуться и поставить машину на то же место.

— Чтобы обвинили его?

— Да, потому что полицейские всегда обвиняют мужа.

— Как он выглядел?

— В смысле?

— Как отреагировал?

— Был ошеломлен — скорее шокирован, чем опечален. Немного пришел в себя, пока мы везли его к нам. Они собирались разводиться.

— Из-за любовника?

— Нет, — произнес Ноэль слегка пренебрежительно. — Дело в том, что такому человеку, как он, адвокату, взлетевшему высоко, жена-простушка только мешала. Это читалось между строк, когда он говорил.

— А жена, — добавил светловолосый Жюстен, — чувствовала себя униженной: он не разрешал ей появляться на коктейлях и ужинах, которые устраивал для знакомых и клиентов у себя в бюро в седьмом округе. Она просила взять ее с собой, он отказывался. Они постоянно ссорились. Она будет “диссонировать”, говорил он, и “не впишется в картину”. Такой вот мужик.

— Отвратный, — заключил Ноэль.

— Он постепенно овладел собой, — добавил Вуазне, — и начал отбиваться, как будто мы пытались загнать его на Каторжную дорогу из его игры. Стал выражаться заумно, употреблять всякие непонятные слова.

— Его обычная стратегия, — заметил Мордан и стал ритмично дергать шеей, высвобождая ее из воротника. За две с лишним недели в нем ничего не изменилось, он по-прежнему походил на цаплю, утомленную жизненными неурядицами. — Подчеркивает разницу между собой, успешным адвокатом, и любовником.

— А он кто?

— Араб, он сам это уточнил прямо с порога, ремонтирует автоматы с напитками. Живет в соседнем доме. Насим Бузид, алжирец, родился во Франции, женат, двое детей.

Адамберг хотел что-то сказать, но промолчал. Он не сумел придумать, как бы, не нарушая приличий, спросить про допрос Насима Бузида, протокол которого наверняка есть в папке. Он ровным счетом ничего не помнил об этом человеке.

— И какое у вас впечатление? — осторожно спросил он, знаком попросив Эсталера принести еще кофе.

— Красивый парень, — констатировала лейтенант Элен Фруасси, повернув к комиссару монитор, где было фото печального Насима Бузида. Длинные ресницы, медовый взгляд, глаза как будто подведены, белоснежные зубы, чарующая улыбка. Его очень любят соседи, он мастер на все руки. Насим меняет перегоревшие лампочки, Насим устраняет протечки, Насим никому не отказывает.